

Артур Лейвин

Мои детские годы прошли незаметно, жизнь протекала как бы на автопилоте, пока мой разум был сосредоточен на проблеме ключевого камня и моих пропавших спутниках.

В этой альтернативной реальности, представленной ключом, даже небольшие изменения, казалось, превращались в совершенно новую жизнь, которую мне предстояло прожить. Но по мере того, как имитация жизни отдалялась от реальности - или, возможно, по мере того, как человек, в которого я вырос, становился всё дальше от того, кем я был на самом деле, - часть моего разума, которая осознавала события вне краеугольного камня, казалось, пошла спать, заставляя меня забыть свою цель и даже тот факт, что я жил фальшивым, симулированным существованием.

Всплыли воспоминания о том времени, когда я рос в Тэгруне Кэлум. Разобрать все было сложно: я помнил все отчетливо, но человек, которым я стал в тех обстоятельствах, казался настолько далеким от того, кем я был на самом деле, что это было похоже на чужой сон. Но откуда, спрашивается, взялась эта версия моей жизни? Неужели царство ключа просто придумывает ответы на мои действия, или в этом как-то замешана Судьба? Может ли камень знать, что произошло бы на самом деле - или что произойдет в будущем? Я подумал об эфире и Судьбе и понял, что не могу полностью отбросить этот факт.

Старейшина Риния могла перебирать возможные временные линии и потенциальные события с помощью своей магии. Конечно, джинны могли делать то же самое, обладая повышенным контролем над эфиром, включая ветвь эвума. И все же по сравнению с механизмом, лежащим в основе каждого из предыдущих камней, эти разворачивающиеся миры и временные линии казались невыносимо сложными. Неужели для того, чтобы понять Судьбу, нужно увидеть, как все эти реальности реагируют на каждое небольшое изменение?

Я почувствовал, как у меня свело желудок от мысли о том, сколько раз мне придется пережить свою жизнь в разных вариантах, чтобы получить это понимание, и эта нервная мысль привела меня к еще одному тревожному размышлению: Как долго я уже здесь нахожусь?

Если ключевой мир двигался в том же масштабе времени, что и я, то я уже пробыл в нем несколько десятилетий. Я должен был предположить, что время, проведенное в замке, не совпадает с временем, проведенным во внешнем мире. Казалось, что время в замке не движется с постоянной скоростью, а пролетает мимо с невероятной быстротой, когда я не фокусируюсь на мире, который он представляет. Это наводило на мысль, что время очень субъективно, возможно, даже является иллюзией.

А что, если это оно? Я вскочил и увидел, как мой малыш листает энциклопедию по манипуляции маной. Оглядевшись вокруг в замешательстве - мне казалось, что я родился всего несколько минут назад, - я попытался вырваться из этой жизни и позволить ей просто разыграться перед моими глазами.

Волнение, казалось, привязывало меня к моменту. Я зажмурил глаза, сосредоточившись на том, чтобы отключиться от самого себя. Казалось, что-то тянет меня за грудь, словно в грудь впился рыболовный крючок и кто-то тянет за него. Глаза распахнулись, и я огляделся вокруг, гадая, что это могло быть за ощущение, но ничего явного не увидел и не почувствовал.

Осознав, что позволяю себе излишнее беспокойство и возбуждение, я заставил свое маленькое тело сделать несколько глубоких вдохов. В комнату вошла мама, болтая о том, что я постоянно смотрю на эти книги и как это мило, и время начало утекать от меня.

В считанные мгновения я проснулся, а затем мы уже поднимались по горной тропе, которая привела бы нас к засаде. Все происходило так же, как и в жизни, и вдруг я оказался рядом с Сильвией. Хотя у меня были мысли о том, что время, проведенное с ней, могло сложиться иначе, я избегал менять что-либо, даже самые незначительные детали, чтобы проверить свою теорию.

Время, проведенное с ней, закончилось, а затем моя жизнь в качестве мальчика в Эленуаре стала стремительно проноситься мимо. Не успел я оглянуться, как снова увидел свою семью, а потом мы с Жасмин вместе отправились в приключения в Звериные поляны. Началось мое пребывание в Ксирусе, которое привело к Вдовьему склепу, нападению на Академию Ксируса и моему обучению в Эфеоте*. Сама война уже закончилась, кульминацией стала моя битва с Нико.

*В оригинале написано за обучение в Эленуаре, но насколько я помню, он обучался в Эфеоте, а не у эльфов

Когда мое тело начало отказывать от чрезмерного использования звериной воли Сильвии, а над Сильвией нависла угроза жертвоприношения, ко мне пришло новое осознание.

Сосредоточившись на моменте, я попытался вернуться в свое тело и взять ситуацию под контроль, зная, что хочу изменить.

Но я не смог.

Время теперь пролетало еще быстрее: смерть Сильви, мое первое непреднамеренное восхождение в Реликтомбы, а затем и пребывание в Алакрии - все это пролетело на одном дыхании. Внезапно я распрощался с Элли, солгав ей о том, где буду находиться во время доступа к четвертому ключевому камню, а Сильви, Реджис и я снова активировали и вошли в ключевой камень.

Я ждал в темноте, затаив дыхание и не понимая, что только что произошло. Снова свет вдалеке. Снова слова: "Поздравляю, сэр и мадам, он здоровый мальчик".

Мое сознание было пустым довольно долгое время. Время не ускользнуло от меня и не начало цикл заново, но я чувствовал, как шок овладевает моими способностями, и вместо того, чтобы бороться с ним, я просто позволил себе быть.

Возможно, я думал, что урок этого места будет каким-то банальным, например, что моя жизнь сложилась так, как и должна была сложиться, или что я не могу изменить прошлое. Я, конечно, не ожидал, что потеряю контроль над собой и буду тащиться по течению, пока моя жизнь будет повторяться в точности так, как она повторялась, не имея возможности навязать ей свою волю.

Это как попасть в стремительную реку, удивленно подумал я, когда шок начал проходить. Но какой в этом смысл? Как это может привести к пониманию Судьбы?

Я пытался понять, как этот новый факт согласуется с моими предыдущими теориями. Очевидно, он разрушил идею о том, что ничего нельзя изменить. На самом деле этот вихревой эффект говорил об обратном: о том, что я должен исследовать многочисленные возможности этой жизни или жизней, чтобы получить представление об аспекте Судьбы.

Я прокручивал эту идею довольно долго, но не добился никаких новых озарений. В конце концов я отвернулся от нее, снова задумавшись о каком-то моменте из ранее пронесенной

жизни. Когда я приближался к жертвоприношению Сильви, мне пришла в голову дикая мысль. Как я смогу существовать в этой жизни, если Сильви не пожертвует собой ради меня, не разделит свою сущность, чтобы перенестись в космос, где она будет наблюдать за тем, как разворачивается моя жизнь, как Грея? Ведь если она этого не сделает, то как сможет отвести меня от попытки Агроны реинкарнировать и поместить в это тело?

Я огляделся по сторонам в поисках призрачного облика Сильви, который, как я знал, должен был наблюдать за мной. После того как Сильви пережила мою жизнь в качестве Грея, она последовала за моим духом через весь космос, пока его тащил в этот мир Агроны. В последний момент она заставила меня отступить и привела к Лейвинам. Там и началась эта симуляция моей жизни.

Это был парадокс. Хотя краеугольный камень жизни всегда начинался с моего рождения, на самом деле, моя собственная жизнь началась задолго до этого, с моего рождения Грея на Земле. Я крепко держался за этот факт. Наличие потенциального парадокса было точкой отсчета, изъяном в системе, который я мог выявить и потенциально экстраполировать информацию.

‘Полагаю, в этом месте мое присутствие при твоём рождении, а также все, что я делала до твоего рождения, - это как фиксированная точка, - сказал искаженный голос. Я повернул свою слишком большую голову на шею, которая все еще не поддерживала ее, и уставился в сторону набитого соломой матраса, чтобы увидеть ту же самую слегка прозрачную, более молодую версию Сильви, с которой я сталкивался раньше. Ты не можешь изменить то, что уже было заложено до твоего прибытия.’

Я искал тебя, - сказал я, встретившись с ее прозрачными золотистыми глазами.

Я знаю, - ответила она.

У меня есть идея, - подумал я, инстинктивно засовывая пухлый кулак в рот. Не сможешь ли ты мне кое в чем?

В контексте нынешней жизни я только что наблюдала, как Грей прошел путь от отчаянного детства до разочарованного царствования. Затем я пересекла непостижимое пространство между мирами и временем, чтобы не дать Агрене захватить тебя", - подумала она. Я уже пожертвовала всем ради тебя, Артур, и сделаю это снова. И еще раз. Столько раз, сколько потребуется. Так что да. Конечно, я помогу тебе. Просто скажи мне, что тебе нужно".

Я тихо собрался с мыслями, прежде чем спроецировать их на нее. Ты - часть Сильви. Раньше ты называла себя проекцией Сильви, как я понимаю, существующей в данный момент, верно?

Верно, - подтвердила она, с любопытством наблюдая за мной.

Но здесь есть и другая часть Сильви, - продолжил я. Ее настоящий сознательный разум из внешнего мира. Вот только она... спит, она и Реджис.

‘Это правда.’

Мое детское личико сосредоточенно сморщилось. Ее разум еще не проснулся. Думаю, возможно, это потому, что у него не было времени и места, чтобы сделать это внутри ключевого камня. Даже в тех жизнях, где я соединялся с ней, эта версия Сильви сохраняла свою индивидуальность, соответствующую тому, кем Сильви была в тот период, без воспоминаний о нашей жизни за пределами этого места. Это не оставляет места для того,

чтобы моя Сильви, настоящая Сильви, проснулась.

Призрачное лицо выжидающе смотрело на меня.

Но ты уже всего лишь ее часть. И через несколько лет ты будешь втянута обратно в свое яйцо и переродишься в эту версию Сильви.

‘Это тоже верно.’

Если бы ты... каким-то образом привязалась к сознанию Сильви - настоящей Сильви, - то, возможно, она смогла бы проснуться и действовать через тебя, а потом родиться обратно в себе.

Наступила долгая пауза, и мне пришлось очень сильно сосредоточиться, чтобы удержать свой разум и тело младенца в сознании и сосредоточиться на моменте.

"Как?" - спросила она в конце концов.

Я не знал, как это сделать, но был убежден, что пробуждение Сильви и Реджиса необходимо для достижения прогресса в работе с Ключом. Они представляли различные аспекты эфира, которые вместе со мной формировали более полное представление о спатиуме, вивуме и эвуме в целом. Я надеялся, что, будучи внешними сознаниями, они не будут страдать от тех же последствий отклонения от моей обычной жизни и смогут каким-то образом привязать меня к себе.

Пока это только догадки, но я чувствую разум Сильви внутри своего собственного. Ты можешь... войти в мое тело? Может быть, я смогу стать чем-то вроде моста между вами.

Призрачный образ кивнул в знак понимания, а затем пронесся вперед, пройдя сквозь кровать и войдя в мою плоть. По моему крошечному телу пробежала дрожь, и я почувствовал новое, успокаивающее присутствие, плавающее прямо под поверхностью.

Покачивая своим младенческим телом, я поудобнее устроился на соломенном матрасе и закрыл глаза.

Ее разум где-то внутри меня. Нужно только найти его.

Я сосредоточился на теплом присутствии призрака, пытаюсь следовать за ней внутри себя, пока она искала настоящую себя. Такая внутренняя медитативная практика была бы легкой в те годы, когда я был четырехэлементным магом, или позже, когда у меня появилось эфирное ядро. Я практиковал поиск внутри себя с помощью маны и эфира больше часов, чем мог надеяться сосчитать.

Но сейчас, в теле крошечного младенца без собственного ядра маны, я понимал, что мне не хватает тех средств, на которые я обычно полагался.

Ты чувствуешь ее? Резонанс, притяжение или что-то еще?

‘Нет, но не отчаивайся, - заверила она меня.’

Когда я сосредоточился на поисках Сильви и установлении связи между двумя ее частичными версиями - одной реальной, а другой проявленной с помощью ключевого камня, - я потерял ощущение внешнего мира. Даже когда мое младенческое тело спало, мой взрослый разум

продолжал искать связь между призраком Сильви и ее спящим разумом. Время шло нестройно: казалось, что внешний мир проносится мимо, в то время как в моем сознании проходили лишь минуты или часы.

И все же я не ощущал в себе ничего конкретного, кроме маны, медленно концентрирующейся в груди, где в итоге должно было сформироваться мое ядро.

'Это не работает', - подумала призрак Сильви, и ее голос прорезал туман моей гиперконцентрации. Нужно сделать что-то еще, но что? Я ничего не знаю об этом процессе".

Я сделал несколько глубоких вдохов, пытаюсь справиться с нарастающим напряжением. Через несколько лет твой дух естественным образом воссоединяется с твоим нерожденным телом, удерживаемым в стазисе магией твоей матери. А еще позже ты возрождаешься благодаря естественному процессу, который я не до конца понимаю, - комбинации магической реакции на твою жертву и огромного количества эфира, направленного во второе яйцо.

"Значит, для обоих перерождений требовалось яйцо... - размышляла она, ее мысленный голос тихо звучал в моей голове, почти погребенный под биением моего пульса. Но на оба возрождения также повлияла внешняя магия, связанная с жертвоприношением моего тела для восстановления твоего. Нам нужен катализатор, чтобы пробудить настоящую меня и связать меня с этой симуляцией себя".

Но какой катализатор подойдет?

Призрачная симуляция моей связи не ответила. Она исчезла.

Я не спеша обдумывал свои дальнейшие действия, пока не добрался до склона скалы и снова не увидел ее. Но битва взорвалась, и я последовал за необходимой последовательностью событий, которая привела бы меня к Сильвии. Я искал время или способ пообщаться с наблюдающим призраком, но такой возможности не представилось, и тогда я снова кувыркнулся со скалы.

К тому времени как я очутился на дне длинного обрыва, лежа рядом с изломанным трупом бандита, которого я утащил с собой, Сильвии уже не было.

Я подумывал о том, чтобы просто перемотать симуляцию на начало, чтобы продолжить попытку разбудить Сильви, но мысль о том, чтобы потратить целую жизнь на то, чтобы просто наблюдать, как она пролетает мимо, не давала мне покоя. Теперь было очевидно, что моя цель - пробудить настоящую Сильви в призрачном проявлении ее духа - займет не одну жизнь, но я все еще многого не понимал в испытаниях, и мне не хотелось упускать возможность узнать больше.

Я продолжал, пока Сильви не возродилась, но она не родилась ни с какими воспоминаниями - ни о своей жизни вне замка, ни о наших беседах до ее рождения. Она была младенцем-асурой, быстро набирающей силу и интеллект, но это была Сильви, какой она была тогда, а не моя спутница, какой она спала сейчас.

Мое пребывание в Эленуаре, а затем в качестве авантюриста и студента проходило без существенных изменений, но я по-прежнему следил за каждым принятым решением, чтобы избежать эффекта вихря, снова затягивающего меня в конец. Когда я снова переживал те же события, мне было трудно не переосмыслить многие решения, принятые в моей жизни. Что я мог выбрать по-другому? Какую силу я мог бы обрести или какое знание мог бы получить, если бы пошел немного другим путем?

Прошли годы, прежде чем момент, которого я ждал, настал, и я погрузился в себя, становясь полностью вовлеченным в разворачивающиеся события.

Вирион кивнул мне, копаясь во внутреннем кармане своей мантии. "Есть еще одна вещь, о которой тебе нужно подумать".

Я уже знал, что он собирается достать, когда он раскрыл передо мной ладонь и показал черную монету размером с ладонь. Монета мерцала при малейшем движении, привлекая мое внимание к сложным гравировкам, выгравированным по всей ее поверхности.

"Это один из артефактов, которые были переданы мне по наследству. Я отдал их оба своему сыну, когда покинул трон, но после смерти Алеи он вернул мне этот, сказав, что я должен выбрать следующее Копье".

Я на мгновение замолчал, внимательно рассматривая овальную монету, которая, казалось, пульсировала в руке Вириона. "Это артефакт, который был у Алеи".

"Да. Если соединить его с твоей и моей кровью, он сработает и даст тебе тот толчок, который позволил всем остальным Копьям прорваться на белую ступень. Я знаю, что ты не эльф, но для меня будет честью, если ты будешь служить под моим началом в качестве Копья".

"Я буду бороться за тебя даже без этой связи, но я не могу принять ее. Я могу сожалеть об этом, но мне не кажется правильным обманывать меня на белой стадии. Я доберусь туда сам."

Эти слова вернулись ко мне, казалось, целую вечность назад. Это было правдой, я самостоятельно добрался до стадии белого ядра, но это заняло так много времени... и когда я наконец встретился лицом к лицу с Каделлом в летающем замке, этого все равно оказалось недостаточно.

И вскоре я потерял все, над чем так долго работал, когда мое ядро было разрушено.

"Для меня будет честью служить твоим Копьем, - произнес я, склоняясь перед Вирионом в поклоне.

Церемонии посвящения в Копье - фактическое соединение крови и службы - всегда проходили тайно, так было и со мной. На церемонии присутствовали только Вирион, его сын Алдуин, Копье Айя Грефин, лорд Алдир и Сильви. Все они собрались в неукрашенной комнате в глубине летающего замка.

Я стоял на коленях в центре комнаты, Сильви сидела рядом со мной в своей маленькой, лисьей форме, прижавшись боком к моей ноге. Вирион стоял передо мной, а остальные полутенью окружали нас. Он протянул черную овальную монету. Ее вытравленная поверхность отражала тусклый свет, как звезды в ночном океане. Через несколько секунд он отпустил монету. Вместо того чтобы упасть на землю, она осталась на месте, зависнув в воздухе между нами на уровне моих глаз.

"Артур Лейвин, сын Рейнольдса и Алисы Лейвин, маг серебряного ядра четырех стихий. Неожиданный защитник и нежданный внук, выросший среди людей и эльфов в Сапине и Эленуаре, дитя двух миров. Титул Копья не может быть ограничен ни рождением, ни статусом, ни даже расой, его можно заслужить лишь упорным трудом, талантом и силой. В этом ты можешь оказаться непревзойденным".

Вирион сделал небольшую паузу, давая своим словам впитаться. "Артур, клянешься ли ты

служить и защищать меня как командующего вооруженными силами Тройственного союза, семью Эралит и, соответственно, всех жителей Эленуара, эльфов и прочих, и никогда не обращать эту силу против меня, моей семьи или моего народа?"

"Клянусь", - твердо и честно ответил я.

"Я тоже", - яростно произнесла Сильви в моем сознании.

"Как копьё Эленуара, клянешься ли ты встать между мной, а значит, и всем Эленуаром, и нашими врагами, независимо от их силы и происхождения?"

"Клянусь", - снова ответил я.

В хриплом голосе Вириона слышались подавленные эмоции. "Ты подчинишь себя кровью и телом моему делу?"

"Я подчиняюсь".

"Итак, эти слова произнесены", - Вирион достал нож и провел им по краю ладони, - "и они скреплены кровью". По мере того как он произносил эти слова, его кровь начала капать с руки, попадая на черный металл мелкими брызгами.

Он протянул нож, который я взял. Я попытался представить, что бы я чувствовал в этот момент, если бы это действительно произошло. А разве это не происходит на самом деле? Мысль вернулась ко мне так неожиданно и сразу, что мне пришлось остановиться и обдумать ее, напомнив себе, что я нахожусь на ключевом камне и работаю над решением испытания и над пониманием самой Судьбы.

"Продолжай, Арт", - сказал Вирион, его тон был доброжелательным. "Я верю в тебя".

Встав, я отвесил себе челюсть и порезался, как это сделал Вирион. "Итак, эти слова произнесены, и они скреплены кровью". Сильви повторила слова из моих мыслей, только ее слова были обращены не к Вириону, а ко мне.

Когда моя кровь соединилась с кровью Вириона, поверхность овальной монеты пошла рябью, и кровь втянулась в нее. Монета запульсировала огромными колебаниями маны, а затем начала падать. Я схватил ее, пока она не пролетела больше нескольких дюймов, и внимательно осмотрел.

Артефакт был тяжелым, гладким и теплым на ощупь. Под черным блеском виднелся намек на глубокий красный цвет. Между маной, заключенной в монете, и моей собственной очищенной маной возник странный резонанс, словно они зывали друг к другу. Я жаждал выпустить ману на свободу.

Вирион сиял, его глаза светились гордостью. "Я нарекаю тебя Годспеллом, копьём Эленуара. Добро пожаловать, Копьё Годспелл, к нам на службу".

Копьё Айя шагнула вперед, выражение ее лица было неразборчивым. "Для следующего шага тебе понадобится тихое и... удаленное от других место".

Вирион издал низкий хмыкающий звук из своего носа. "Это займет время, но тебе следует посвятить этому процессу следующие несколько дней. После этого ты сможешь заниматься им в свое удовольствие, хотя, судя по тому, что я видел в прошлом, большинству Копий трудно

остановиться, когда процесс уже начался".

Лорд Алдир впервые заговорил. "Надеюсь, вы оба знаете, что делаете. Я не могу не задаться вопросом, не лучше ли было бы Артуру самому добраться до белого ядра".

"У нас нет на это времени", - вмешался Алдуин.

По выражению лица Вириона я понял, что он раздумывает. "Посмотрим".

Пересохшим ртом я отвесил глубокий поклон Вириону, затем поклонился лордам Алдуину и Алдиру, после чего мы с Сильви последовали за Айей в комнату, которая больше походила на лесную поляну, чем на помещение, погребенное глубоко в недрах летающего замка. "Удачи", - сказала она, жеманно подмигнув нам, и удалилась обратно по коридору размашистой походкой.

О, это так интересно, - сказала Сильви, обходя комнату и обнюхивая растения. Ты станешь магом белого ядра. Как думаешь, сколько времени это займет?

"Сейчас узнаем", - сказал я вслух, садясь, скрещивая ноги и держа перед собой овальную монету.

Все в зале затаили дыхание, когда я появился в поле зрения, и молча ждали, что я скажу.

Я молча стоял и осматривал открытую галерею с высоты сцены. Все присутствующие казались зачарованными, но я вряд ли мог их в этом винить. Залитый светом и эффектно позирующий рядом с двумя ледяными глыбами, я знал, что выгляжу довольно героически.

Мои длинные русые волосы были свободно завязаны в узел, а на мне было свободное шелковое одеяние в эльфийском стиле. Завершением моего изысканного наряда был роскошный меховой мантильон, белый как снег, наброшенный через одно плечо.

Казалось, только вчера я предстал перед всем Дикатеном в экстравагантных доспехах, ослепивших людей. Теперь же, стоя в колонне света в своем элегантном наряде, я понимал, что не просто ослепителен - я излучал потустороннее очарование, не уступающее даже такому асуре, как лорд Алдир.

Хорошо рассчитав время, я повернул голову сначала налево, пристально вглядываясь в заключенного в лед Вритру, а затем направо, повторив действие со вторым слугой..

В галерее, и без того тихой, воцарилась глубокая, затаившая дыхание тишина, когда я снова повернулся лицом к присутствующим. Сохраняя низкий и ровный голос, я начал свою заготовленную речь. "Выставлять трупы наших врагов на всеобщее обозрение как трофеи или сувениры - это то, что я глубоко не одобряю, но те из вас, кто присутствует на этом мероприятии сегодня вечером, - не простые простолюдины. Каждый из присутствующих знает, что рабочие, мирные жители и обитатели ваших земель с нетерпением ждут новостей об этой войне. До сих пор единственным, что вы могли им сообщить, были смутные предположения и необоснованные теории".

Я сделал паузу, давая возможность притихшей толпе затихнуть в ожидании, когда я заговорю снова. "Родившись в скромной семье, я смог подняться до того уровня, на котором нахожусь сейчас, благодаря своей семье, а также друзьям, которых я встретил на этом пути. Сейчас я

Копье, причем самый молодой, но не самый сильный". Я тепло улыбнулся, чтобы скрыть свою ложь. На самом деле я был сильнейшим со значительным отрывом, но повествование требовало альтернативного взгляда на события. "Копья, некоторые из которых сражаются в данный момент, намного превосходят меня по силе, и все же даже я смог победить не одного, а сразу двух слуг, так называемых "высших сил" алакрийской армии".

Я сделал еще одну паузу, давая толпе пронестись по залу возбужденным ропотом. "Как видите, я не получил никаких повреждений в битве с этими якобы могущественными силами и достаточно здоров, чтобы вот так болтать среди толпы дворян". Я расширил улыбку, поскольку мои комментарии вызвали смех у зрителей.

Положив одну руку на ледяную гробницу, в которой покоился труп Уто, я осторожно перевел взгляд на место, где сидел Совет. "Это не только мое подношение Совету, который предоставил мне эту роль, но и подарок, который, надеюсь, вы все сможете забрать домой и разделить со своим народом - конечно же, образно".

Когда я поклонился, раздались аплодисменты и смех, означающие окончание речи. Осветительные артефакты снова включились, когда я стремительно спустился со сцены, и Вирион занял мое место. Люди хлопали меня по плечу или по спине, когда я проходил мимо них, кричали мне вслед или пытались уговорить остановиться и поговорить с ними.

Однако когда Вирион заговорил, все взгляды толпы обратились к нему, и шум немного утих. "Совет благодарит Копье Годспелла за этот дар. Он в одиночку изменил ход этой войны, доказав, что силы Алакрии не являются несокрушимыми, как пытался убедить вас наш враг". Вирион сделал паузу, когда толпа одобрительно зашумела в ответ. "Уже сейчас наши гномьи союзники помогают нашим величайшим умам в разработке технологии телепортации, которую использовали алакрийцы, чтобы достичь наших берегов, и скоро мы перейдем в наступление на них!"

Толпа заревела еще громче, дворяне на мгновение забыли о себе, увлекшись речью Вириона. Вскоре по галерее разнеслось скандирование "Копье Годспелл, Копье Годспелл".

Сквозь толпу я заметил пару прекрасных тировых глаз, сияющих от восторга, и не смог не улыбнуться в ответ.

Серебряные колокольчики наполнили Зестир сладостным звоном, смешиваясь со щебетанием птиц и шепотом легкого ветерка в кронах деревьев. Яркие розы, пионы, лилии и гиацинты осыпали красными, оранжевыми, розовыми и голубыми брызгами толпу, собравшуюся по обе стороны улицы, и наполнили воздух букетом сладких ароматов. Эльфийские дети бросали конфетти из лепестков на улицу впереди нас, превращая тротуарную плитку в мистическое цветное шоссе.

Рядом со мной Тессия хихикала, наблюдая, как маленькая девочка, которой было не больше трех-четырех лет, опрокинула корзину, полную лепестков роз, рассыпав их в кучу, а затем торопливо провела пухлыми ручками по лепесткам, чтобы разложить их, оглядываясь по сторонам и проверяя, не видит ли кто. Когда мы проходили мимо, Тессия протянула руку и легонько погладила девочку по голове.

Она повернулась, чтобы посмотреть на меня, и я почувствовал, что ускользаю в эти тировые глаза, которые сияли бирюзой на солнце. "Я люблю тебя, король Артур", - тихо сказала она, и мое имя едва слышно прошептало на ее губах.

"И я люблю тебя, королева Тессия", - ответил я. Больше всего на свете мне хотелось наклониться вперед и поцеловать ее накрашенные губы, но я сдержался, подчиняясь принятым в этот день правилам. По правде говоря, я бы предпочел полностью отказаться от церемоний и помпезности и провести этот день только вдвоем, изолировавшись от нужд окружающего мира.

Я любовался своей королевой, которая была задрапирована в приталенное свадебное платье из белого кружева, длинный шлейф которого тянулся сквозь цветы, увитые изумрудными и золотыми лианами, собирающими лепестки при движении. Ее серебристо-пурпурные волосы волнами ниспадали по спине, приколотые золотыми цветами с вставками из сапфиров и изумрудов, а лицо было слегка подкрашено, добавляя тень к глазам и яркий румянец к щекам.

Но пока я смотрел на нее и фантазировал о жизни вне общества, я думал и о своей новой роли короля. Моим первым действием в качестве нового правителя всего Дикатена стала эта самая свадьба, о которой договорились ее мать, отец и дед. Наш союз более полно объединил человеческую и эльфийскую расы, но для меня он стал кульминацией двух прожитых жизней. Реинкарнация в Дикатене дала мне шанс узнать, кто я на самом деле, обрести семью, которая меня любила, а также найти ту поддержку и романтическую любовь, которую я никогда не испытывал, будучи Греем на Земле.

Здесь я стану королем, каким никогда не мог быть, будучи Греем, подумал я, проводя пальцами по руке Тессии, которая переплеталась с моей собственной. И это произойдет благодаря тебе.

Я укрепил эти слова в своем сознании, пообещав себе рассказать ей об этом позже, в безопасности и тесноте наших собственных покоев во дворце Эралитов в Зестире. Летающий замок станет нашим постоянным домом, но я согласился провести два полных дня на родине Тессии в знак поддержки и доброй воли к ее семье и ее народу; хотя я был копьем Эленуара и женился на их принцессе, для эльфийского народа все равно было шоком склониться перед человеческим королем.

Я заставил себя отвести взгляд от жены. Улыбаясь и махая рукой рядам зрителей, я не видел ни малейшего напряжения, которое, как я знал, кипело под поверхностью. Наоборот, эти люди приветствовали меня радостными возгласами и бросали цветы. День за днем мои колебания по поводу принятия королевской власти исчезали. Я готовился к этому в течение двух жизней, напоминал я себе.

Ни в одной из трех стран, которыми ты сейчас правишь, нет никого, кто бы лучше подходил для этой роли", - подумала Сильви, шагая позади меня, и я понял, что, должно быть, позволил своим мыслям ускользнуть в нашу связь.

Спасибо, Сильв. Если то, что ты говоришь, правда, то только потому, что в моей жизни есть ты. Без тебя я не стал бы тем, кем являюсь сегодня. Я тщательно скрывал свою заботу о ней. Моя связь, которая была для нас с Тессией как дочь, была заражена ядовитой магией ее отца. Я еще даже не сказал ей, что он может завладеть ее телом и говорить через нее.

Наша процессия продолжила путь через город Зестир и завершилась на балконе, возвышавшемся в ветвях одного из великих деревьев. Тысячи зрителей собрались на платформах, расставленных вокруг нас. Мы с Тессией стояли бок о бок, окруженные ее родителями и моими, Вирионом, Копьем Айей и еще целой свитой.

Фейрит Ивсаар III вышел вперед из свиты и взял тиковый полуплащ, висевший у меня на плече. Я кивнул ему и улыбнулся, думая о том, как забавно и странно сложилась жизнь, что

мой некогда соперник стал таким близким другом и советником.

Шагнув вперед, я проецировал свой голос с помощью маны, чтобы он легко донесся до раскинувшихся платформ, вросших в ветви массивных деревьев. С легкой улыбкой и баритоном, полным теплой уверенности, я впервые обратился к своим подданным как женатый мужчина.

Я проснулся от резкой боли в груди. Луна проливала серебристый свет в окно и на пол, но большая часть нашей спальни была погружена в крошечную тьму. Кончики пальцев уперлись мне в грудь, и я резко проснулся, почувствовав влагу. Махнув рукой, я попытался вызвать пламя, чтобы видеть. В комнате по-прежнему царил полумрак.

Задыхаясь от боли и внезапного ужасного осознания, я в отчаянии потянулся к своей магии.

Но ответа не последовало.

Мое тело содрогнулось в тот самый момент, когда фонарь рядом с нашей кроватью расцвел оранжевым светом. Тессия спала рядом со мной, ее волосы спутались вокруг лица, а конечности перекошились, наполовину забравшись в одеяло, наполовину выбравшись из него. Ее губы кривились в тайной, сонной улыбке, когда она мечтала о чем-то приятном.

За ее спиной, рядом с кроватью, мужчина возился с осветительным артефактом, слегка убавляя яркость. Его мраморно-серую кожу, красные глаза и ониксовые рога, изогнутые по бокам головы и повторяющие линию челюсти, невозможно было перепутать.

Сильви, ко мне!

На мой испуганный зов никто не откликнулся, что только усилило мой страх и дезориентацию.

Вритра - тот самый, что убил Сильвию все эти годы назад, - поднес палец к губам. Жест показался ему странным и несвойственным, словно что-то из сна. "Не зови своих стражников, мой король, - сказал он, его голос был холодным и жестким. "В тебе горит огонь моей души, и я уничтожил твою сущность. Хотя ты все еще дышишь, на самом деле ты уже мертв".

Я открыл рот, чтобы закричать, но боль пронзила мое тело, сжимая горло и заставляя конечности спазмироваться. Рядом со мной на лице моей жены появилось озабоченное выражение, и она судорожно перевернулась на спину.

"Ты стал жертвой собственного успеха, король Артур, - продолжал Вритра. "Если бы ты оказался менее успешным - менее могущественным, менее угрожающим - возможно, Верховный суверен попытался бы с тобой договориться". Он слегка покачал головой, и на его лице появилось выражение, которое было почти, но не совсем, улыбкой. "Честно говоря, я бы хотел посмотреть, на что ты способен, но Верховный суверен решил, что лучше всего будет простое убийство".

Сквозь боль я снова потянулся к Сильви, но не смог почувствовать ее разум. Я не знал, слышит ли она вообще мои мысли.

"Тем не менее ты выполнил свою задачу, - размышлял Вритра. "Путь для Наследия проложен". Его рука потянулась к Тессии, и я оказался бессильным остановить его, когда он положил свои вытянутые пальцы ей на шею. Черное, призрачное пламя окутало его руку на мгновение,

показавшееся мне вечностью, а затем, словно дым, потекло в нее через поры.

Прекрасные глаза моей жены распахнулись, рот широко растянулся в агонии, но из него вырвался лишь короткий придушенный вздох. Слезы полились из ее глаз, затем они закатились обратно в голову, и она упала.

"Н-нет..." застонал я, протягивая к ней дрожащую руку. Мир стал белым, затем черным, а потом снова медленно окрасился в серый цвет. Кровать рядом со мной была пуста, и я больше не видел Вритру, но не мог повернуть голову, чтобы осмотреть комнату. Смутно я осознавал, что лежу в мокрой луже, а тонкие простыни моего королевского пухового матраса прилипли к моей коже.

"Не волнуйся, мальчик". Голос Вритры доносился откуда-то из-за пределов видимости. "Твоя королева жива и будет жить дальше. Мне сказали, что она станет одной из самых важных персон в мире".

Я закрыл глаза, сделал дрожащий вдох и не смог сделать еще один. Оставшись один в постели, залитой кровью, я почувствовал, как огонь души сжигает последние остатки моей жизненной силы, и все вокруг потемнело.

А затем в черноте появился слабый свет.

Свет становился все ближе, ярче, а затем превратился в яркое пятно, заставив меня закрыть глаза. Неразборчивые звуки доносились до моих ушей. Когда я попыталась заговорить, слова вырвались в виде крика.

"Поздравляю, сэр и мадам, он здоровый мальчик".

Мои глаза с трудом открылись, и я заплакал. Я завыл от отчаяния, когда проснулся и понял, что вся жизнь, которую я прожил, была сном. Прекрасным, чудесным, ужасным сном.

Оплакивая ту версию себя, ту любовь, которой мне было позволено поделиться, которую я скрывал от себя в реальной жизни, я мог лишь умолять ключевым камнем. Хватит, я умолял. Я не хочу продолжать это делать. Пожалуйста. Достаточно. Отпусти меня.

<http://tl.rulate.ru/book/114117/4366067>